

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2026.1.177

С.Л. ФРАНК И Н.А. БЕРДЯЕВ: ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ГОСУДАРСТВА

К.В. Ануфриева, М.К. Зверев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена анализу политико-правовых концепций двух ключевых фигур русской религиозной философии начала XX в. – С.Л. Франка и Н.А. Бердяева. На фоне исторического кризиса европейской цивилизации, революционных потрясений и возникновения тоталитарных режимов оба мыслителя разработали персоналистические философские системы, в которых личность рассматривается как высшая духовная ценность, несводимая ни к государству, ни к обществу, ни к коллективным целям. Статья показывает, что при общей персоналистической ориентации и единой критике политического абсолютизма, С.Л. Франк и Н.А. Бердяев расходятся в фундаментальных онтологических и антропологических основаниях, что приводит к двум альтернативным моделям соотношения личности и государства: «органически-правовому персонализму» С.Л. Франка и «экзистенциально-эсхатологическому персонализму» Н.А. Бердяева. Анализ этих двух парадигм позволяет выявить глубокие ценностные основания политико-правового мышления и предложить новые перспективы для осмысления взаимодействия человека и государства в условиях современности.

Ключевые слова: персонализм, государство, личность, свобода, ценности, объективация, право, тоталитаризм, русская философия, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев.

Анализ философских идей С.Л. Франка и Н.А. Бердяева, составляющих ядро русской персоналистической философии начала XX в., невозможен вне социально-исторического, духовного и культурного контекста. Период их творчества приходится на эпоху культурного и политического кризиса России и Европы. Конец XIX – начало XX в. – это время глубокого цивилизационного кризиса, время системного упадка традиционных политических и мировоззренческих устоев. Оптимизм технологического развития и прогресса человечества разрушен ужасами Первой мировой войны, обнажившей иррациональную сторону исторического процесса. Крушение монархии, революции 1917 г., гражданская война и установление большевистской диктатуры ознаменовали не просто смену политического режима, а создали радикальный разрыв исторической преемственности.

Атмосфера социальной катастрофы побуждает к активному переосмыслению оснований человеческого бытия. В спектре распада объективных социальных норм философия устремлена в сторону экзистенциализма,

© Ануфриева К.В., Зверев М.К., 2026

ставя вопросы о смысле, свободе и судьбе личности в истории. Политическая реальность показывала слабость либерально-демократических институтов, на смену которым следовали чудовищные по своему потенциалу тоталитарные идеологии, возводящие государство, класс, нацию в ранг нового абсолютного субъекта исторического процесса, поглощающего какое-либо индивидуальное проявление личности. Эти условия определили обращение русской религиозно-философской мысли к построению персоналистической метафизики.

Значимым событием, предвосхитившим идейные искания эмиграции, стала публикация сборника «Вехи» (1909 г.), в котором приняли активное участие оба философа. Сборник ознаменовал поворот от радикального социального проектирования и политического активизма к вопросам внутренней духовной культуры, личной ответственности и религиозно-философского обоснования ценностей. Критикуя революционный максимализм, авторы сборника, в частности С.Л. Франк, настаивали на примате нравственного совершенствования личности по отношению к любым попыткам механического реформирования общества. Последовавшие революции и гражданская война придали этим идеям трагическую актуальность. Незамедлительным актом философско-исторического осмысления событий стал сборник «Из глубины» (1918), задуманный как продолжение «Вех».

К моменту высылки из советской России на «философском пароходе» в 1922 г., С.Л. Франк и Н.А. Бердяев уже сформировали свои оригинальные философские системы. В эмиграции были созданы их основные труды по социальной философии. Этот период можно охарактеризовать как время плотного и глубокого диалога с западноевропейской мыслью. Находясь в Париже и Берлине, С.Л. Франк и Н.А. Бердяев оказываются в эпицентре интеллектуальных дебатов Европы, переживавшей межвоенный кризис. Контекст эмиграции позволил философам универсализировать русский опыт, узрев в нём радикализованное выражение общеевропейской болезни духа, кризиса секулярного гуманизма, отделившегося от своих религиозных основ.

Творческий путь обоих философов предстает как общий духовный ответ на вызовы распада социальных и онтологических скреп. Такой ответ сформулирован в парадигме персонализма, ставшей для философов фундаментальной метафизической и аксиологической установкой. Вопреки последующему расхождению в трактовке права и государства, философы исходили из единой персоналистической ориентации, задавшей общее смысловое поле для их социально-философской мысли.

Радикальное утверждение ценностного и онтологического примата личности над любыми коллективными формами, будь то государство, нация или класс, лежит в основе проектов мирозерцания обоих философов. Личность следует понимать не в качестве части целого, подчиненного его логике, а как уникальный, неповторимый духовный центр, содержащий внут-

ренную безусловную ценность. Этот примат духовного начала над эмпирическим бытием С.Л. Франк обосновывает через само определение человека, который, по его словам, есть «существо самопреодолевающее, преобразующее себя самого», и лишь «духовное начало... определяет его подлинное своеобразие» [6, с. 144].

У С.Л. Франка это проявляется в концепции личности как укорененной в «сверхвременном единстве» бытия. В своем труде «Духовные основы общества» С.Л. Франк подчеркивает, что «общественная жизнь есть... некая производная от внутренней духовной жизни человеческих личностей, их встречи и взаимопроникновения» [6, с. 144]. Это означает, что личность не является просто атомом в механической системе, но живым духовным центром, который участвует в создании и поддержании общественной реальности.

В свою очередь, Н.А. Бердяев доводит представленный тезис до метафизического предела. Личность в его понимании есть «внутренний экзистенциальный центр» или же «микрокосм», где в потенциальной форме содержится универсум. В труде «О рабстве и свободе человека» Н.А. Бердяев определяет личность через нередуцируемость: «Личность не есть часть общества или универсума... Она есть целое, не составленное из каких-либо частей» [2, с. 110]. Это радикальное утверждение неделимости личности становится исходной точкой для его критики государства и всех форм коллективизма.

Оба мыслителя согласны в том, что социальное и политическое подлежит восприятию как сфера, которая не может быть по определению местом реализации высших человеческих целей. Для Н.А. Бердяева это связано с его концепцией объективации: социальное и политическое суть области овеществления и отчуждения истинного духовного бытия. Для С.Л. Франка – с пониманием того, что духовная жизнь имеет собственные законы и не может быть механически организована внешней властью.

С.Л. Франк: органически-правовой персонализм

В основе социальной философии С.Л. Франка лежит идея органического социального единства или «многоединства», разработанная в трудах «Духовные основы общества» (1930) и «Непостижимое» (1939). Исходным пунктом является личность как неповторимое духовное ядро, при этом не являющееся самодостаточной монадой. Это онтологически первичная целостность духовного бытия, укорененная в надиндивидуальной, соборной реальности «Мы». Личность проявляет свою подлинную полноту в служении сверхличным, объективным ценностям, которые открываются ей в процессе духовного развития.

Признавая первичность духовного «Мы», С.Л. Франк не приходит к отрицанию государства. Он формирует его рациональное обоснование. Конкретно-эмпирическое состояние людей, характеризующееся «греховной разорванностью» и конфликтностью, является причиной необходимости государства. Насилие и эгоизм ведут к нарушению идеального соборного единства.

С.Л. Франк считает, что лишь условия минимальной внешней безопасности позволяют человеку вести здоровую духовную жизнь. Государство, обладающее монополией легитимного насилия, есть «внешняя принудительная форма общежития», необходимая для защиты пространства духовного творчества от хаоса и властного произвола.

Однако оправдание государства у С.Л. Франка принципиально ограничено. Власть не является носителем абсолютной истины и не вправе подменять духовную жизнь. Государство легитимно постольку, поскольку выполняет служебную задачу поддержания порядка. Там, где государство начинает претендовать на контроль над внутренним миром личности, оно превращается в угрозу духовной свободе.

В работе «Крушение кумиров» С.Л. Франк заключает: «Дело не в том, какие именно политические идеалы пытаются осуществить; дело – в самом способе их осуществления, в какой-то основной морально-политической структуре отношения к жизни во имя общественного идеала» [7, с. 45]. Критика направлена не на конкретное содержание идеалов, а на фанатичный, насильственный способ их осуществления.

Трезвое признание неидеальности природы человека порождает необходимость несовершенных, но предотвращающих худшее институтов. Государство – не воплощение добра, а противовес социальному распаду. Как полагает С.Л. Франк: «Задача государства никогда не может быть установить рай на земле; но оно имеет иную, не менее существенную задачу – предупредить возникновение ада на земле» [8, с. 386].

Право у С.Л. Франка – это «минимальная, общеобязательная форма справедливости/порядка», призванная устанавливать четко очерченные, формализованные границы взаимодействия. Оно не имеет притязаний на охват всей полноты межличностных отношений. Право лишь очерчивает негативные границы, которые не подлежат преступлению.

Право вторично по отношению к религии и морали, но эта вторичность не отвергает право. Поскольку право выполняет скромную функцию охранительного инструмента, оно получает нравственное обоснование. Разрушительность социализма, по убеждению Франка, обусловлена его материализмом – отрицанием органических внутренне-духовных сил общественности.

Критика государства у С.Л. Франка ориентирована против его претензии на тотальность. Государству не дозволено решать экзистенциальные вопросы. В своем труде «Свет во тьме» С.Л. Франк выражает это через евангельскую формулу: «Душа человеческая целиком принадлежит Богу... “Отдавать Кесарю кесарево”... значит подчиняться воле Божией... терпеть в мире царство Кесаря» [8, с. 274–275]. Власть государства носит чисто внешний характер и не проникает в святая святых личности – ее душу.

Н.А. Бердяев: экзистенциально-эсхатологический персонализм

Социально-философская концепция Н.А. Бердяева базируется на принципиально другом метафизическом фундаменте. Начальным пунктом выступает не идея соборного единства, а экзистенциальный разрыв между

нередуцируемой свободой личности и объективированными формами коллективного бытия.

Философская антропология Н.А. Бердяева зиждется на экзистенциальном и творческом примате личности. Личность – «внутренний экзистенциальный центр» – не составленное из частей целое, нередуцируемое к биологическим, психологическим или социальным детерминантам. Как подчеркивает философ: «именно человек и есть то загадочное в мире существо, из мира необъяснимое, через которое только и возможен прорыв к самому бытию. Человек есть носитель смысла...» [2, с. 3].

Основным атрибутом личности является свобода, рассматриваемая в глубинном метафизическом смысле. Свобода онтологически первична, предшествуя обществу, природе и даже Богу в акте божественного творения. Она коренится в меонической, добытийной бездне. Эта ничем не обусловленная свобода является источником как добра (творческого порыва), так и зла (грехопадения). Из неё исходит уникальная способность личности к творчеству как продолжению акта мирозидания. Ценности порождаются в акте свободного творческого усилия, а не открываются в готовом виде.

Объективация – центральная категория, сквозь призму которой Н.А. Бердяев анализирует социальные и политические феномены. Это процесс, в котором живая духовная реальность застывает, овеществляется, отчуждается от своего творческого источника и обретает форму внешней, принудительной необходимости. Государство является апофеозом объективации, наиболее тотальной формой закрепления этого отчуждения.

Государство представляет собой механическую, внешнюю по отношению к личности структуру, основанную на принципах законности, легитимности насилия, иерархии и суверенитета. Оно относится к «царству Кесаря» – сфере детерминации и принуждения, кардинально противопоставленной «царству Духа» – сфере свободы, творчества и любви. Как пишет Н.А. Бердяев в работе «Царство Духа и царство Кесаря», государство всегда склонно переходить свои границы [4, с. 10].

Н.А. Бердяев не склоняется к наивному анархизму. Он признает функциональную неизбежность государства в падшем мире, разрываемом эгоизмом и конфликтами. Государство выполняет роль стража минимального внешнего порядка, обеспечивает безопасность, без которой невозможна культурная жизнь. В этом смысле оно является «неизбежным злом».

Однако такое прагматическое признание не отвергает онтологической критики. Сущностная природа государства остается чуждой духу. Оно онтологически «нижнее», так как принадлежит не к области экзистенции, а к области объективации. Государство может охранять внешние условия, способствующие творчеству, но принципиально не может быть их агентом.

Попытки государства вторгнуться в сферу духа с целью «организовать» творчество или дать исчерпывающие ответы на экзистенциальные вопросы воспринимаются как кощунственная узурпация и путь к тоталита-

ризму. Это принципиальное различие с С.Л. Франком: если С.Л. Франк верит, что государство может быть интегрировано в духовное целое при самоограничении, то Н.А. Бердяев видит в самой природе государства угрозу духовной жизни.

Критика государства у Н.А. Бердяева достигает апогея в анализе имманентных ему рисков. Первый – тотализация, стремление государства расширить власть на все сферы жизни. Второй – сакрализация политического, придание государству священного статуса. Третий – подмена личного достоинства коллективной целью.

В системах, построенных на сакрализации политического, личность оценивается не по внутреннему достоинству, а по функциональной полезности для государства. Это превращает человека в средство, нарушая персоналистический принцип. Если С.Л. Франк усматривает в этом нарушение границ легитимной власти, то Н.А. Бердяев видит раскрытие внутренней логики государства как такового.

Государство как философская проблема

Философский анализ концепций государства у С.Л. Франка и Н.А. Бердяева органически связан с вопросом о ценностях: о том, что имеет безусловную значимость в человеке и какова мера допустимого политического воздействия. Государство не является нейтральной «технической оболочкой» общежития. Оно всегда несёт мировоззренческую нагрузку.

Философия государства должна быть одновременно философией человека, поскольку вопрос о легитимности власти упирается в вопрос: что такое личность и какие её измерения неприкосновенны для внешнего принуждения.

Для С.Л. Франка государство и право допускают ограниченно положительное оправдание: они необходимы как внешняя форма охраны порядка, без которого невозможна культурная жизнь. Для Н.А. Бердяева государство представляет область объективации, онтологически вторичную по отношению к духу, постоянно склонную подчинять личность внешней необходимости и идеологии.

Оба философа исходят из того, что личность обладает безусловной ценностью и не может быть средством для реализации государственных целей. Любая форма, в которой человек сводится к «материалу истории», трактуется как философски порочная. Оба отвергают политический мессианизм: государство не должно присваивать функции религии и морали. Иначе политическое претендует на абсолют, приводя к идеологизации права и подавлению свободы совести.

Их позиции сближает убеждение, что правопорядок не исчерпывает нравственность. Даже если государство необходимо, оно не может быть источником высших ценностей, оно может лишь охранять условия, в которых духовная жизнь возможна.

Из общего кредо следует единая острая критика сакрализации государства, придания ему функции спасителя или смыслополагающего ядра.

Этот критический пафос был интерпретирован опытом приходящих тоталитарных режимов, которые философы идентифицировали как результат «религиозного вырождения» – подмены Бога земным кумиром.

Системы обоих мыслителей носят антитоталитарный нерв, заключающийся в отрицании поглощения личности «целым». Именно эта критика идолопоклонства формирует единую антитоталитарную направленность концепций, сделавшую их одними из первых мыслителей, обратившихся к глубокому анализу тоталитаризма как духовного феномена.

Однако философские основания отрицания различаются. Антитоталитаризм С.Л. Франка защищает личность от ложного «целого» во имя подлинного и органического. Антитоталитаризм Н.А. Бердяева видит опасность в самой идее «целого», выступающей как сила, навязывающая детерминацию. Для С.Л. Франка государство может быть интегрировано в органическую духовную целостность, если ограничено служебной функцией. Для Н.А. Бердяева даже идеальное «органическое единство» таит угрозу, поскольку любое «целое» рискует подавить спонтанное, творческое начало личности. Антитоталитаризм Н.А. Бердяева более радикальный: он экзистенциально-персоналистический, устремленный защитить иррациональную свободу личности от всевозможных форм детерминации. Как он утверждает, «свобода есть основной внутренний признак каждого существа... Смысл [бытия] связан с иррациональной тайной свободы греха» [3, с. 110].

Анализ политико-правовых концепций С.Л. Франка и Н.А. Бердяева показывает, что философское осмысление государства строится не от института к человеку, а от человека и ценностей – к институту. Оба мыслителя отказываются признавать государство высшей ценностью и выступают против политического абсолютизма. Однако их аксиологические основания различны: С.Л. Франк, исходя из идеи духовной реальности общества и необходимости внешнего порядка, допускает ограниченно позитивное оправдание государства и права как служебных форм общежития. Н.А. Бердяев, исходя из первичности свободы и трагедии объективации, рассматривает государство как неизбежную, но постоянно опасную сферу, склонную подчинять личность внешней необходимости и идеологическим целям.

Контекст русской религиозной философии при этом сохраняет напряжение между двумя мотивами: мотивом соборности и органического единства общества (как альтернативы атомизму и чистому индивидуализму) и мотивом неповторимости личности и её духовной свободы (как альтернативы коллективистскому растворению человека). С.Л. Франк стремится мыслить общество как духовную реальность, в которой личность не исчезает, но и не замыкается в самодостаточной автономии; отсюда возникает более «примирительная» позиция в отношении государства как формы поддержания общественной целостности. Н.А. Бердяев, напротив, радикализирует тезис о первичности свободы и творческого призвания личности; поэтому государство у него выступает как неизбежно «внешнее», вторичное и потенциально насильственное начало, несущие угрозу внутренней духовной жизни.

Значение этого диалога для современной политической философии состоит в том, что он показывает: критика государства и защита личности не требуют отрицания необходимости политического порядка. Одновременно, признание функциональной необходимости государства не должно вести к его обожествлению или к отказу от критики его имманентных опасностей. Между С.Л. Франком и Н.А. Бердяевым возможен продуктивный диалог, в котором первый напоминает нам о необходимости порядка и о возможности интеграции политического в духовное целое, а второй предостерегает от иллюзий относительно способности государства быть носителем высших ценностей и напоминает о постоянной угрозе объективации и тотализации.

В условиях современного кризиса демократических институтов, с одной стороны, и роста тоталитарных тенденций, с другой, диалог С.Л. Франка и Н.А. Бердяева остается актуальным. Он показывает, что персоналистическая критика государства может быть одновременно и реалистичной (признавая необходимость порядка), и радикальной (отвергая любые попытки сакрализации политического). Личность, её достоинство, свобода и творческое призвание остаются высшей ценностью, перед которой все политико-правовые институты должны оправдывать свое существование. Это не означает анархизм или отрицание государства, но означает принципиальное ограничение его притязаний и постоянную бдительность в отношении его имманентной склонности к превышению полномочий.

Таким образом, персоналистическая парадигма русской религиозной философии предлагает не готовый ответ на вопрос о соотношении личности и государства, а скорее методологию подхода к этому вопросу: всегда исходить из человека, его духовного достоинства и творческой свободы; всегда помнить о различии между духовным и политическим, между внутренним миром личности и внешним порядком; всегда критиковать любые попытки государства присвоить себе функции, которые ему не принадлежат; и всегда признавать, что в условиях исторического несовершенства мира некоторый минимум политического порядка необходим, но этот минимум должен быть именно минимумом, а не максимумом, и должен быть подчинен высшим духовным ценностям.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Издательство Юрайт, 2025. 178 с.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: АСТ, 2010. 478 с.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы. М.: Юрайт, 2025. 201 с.
4. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство кесаря. Париж: YMCA-press, 1951. 165 с.
5. Франк С.Л. De profundis // Из глубины: сборник статей о русской революции / С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков [и др.]. М.: Русская мысль, 1918. С. 147–168.

6. Франк С.Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. Paris: YMCA -press, 1930. 313 с.
7. Франк С.Л. Крушение кумиров. Берлин: YMCA-Prees. Амер. изд-во, 1924. 104 с.
8. Франк С.Л. Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии. Париж: YMCA-press, 1949. 402 с.

**S. L. FRANK AND N. A. BERDYAEV: THE VALUE FOUNDATIONS
OF INTERACTION BETWEEN THE INDIVIDUAL
AND THE STATE**

K.V. Anufrieva, M.K. Zverev

Tver State University, Tver

The article is focused on the analysis of the political and legal concepts of two key figures of early twentieth-century Russian religious philosophy – S.L. Frank and N.A. Berdyaev. Against the background of the historical crisis of European civilization, revolutionary upheavals, and the emergence of totalitarian regimes, both of them developed personalist philosophical systems in which the person is regarded as the highest spiritual value, irreducible to the state, society, or collective aims. The article shows that, despite a shared personalist minimum and a common critique of political absolutism, Frank and Berdyaev diverge in their fundamental ontological and anthropological premises, which lead to two alternative models of the relationship between the person and the state: Frank's «organic-legal personalism» and Berdyaev's «existential-eschatological personalism». The analysis of these two paradigms makes it possible to identify the deep value foundations of political and legal thought and to offer new perspectives for understanding the interaction between the human being and the state under the conditions of the contemporary crisis.

Keywords: *personalism, state, person, freedom, values, objectification, law, totalitarianism, Russian philosophy, S.L. Frank, N.A. Berdyaev.*

Об авторах:

АНУФРИЕВА Карина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: carina-oops@mail.ru

ЗВЕРЕВ Михаил Константинович – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: misha-rowing@mail.ru

Authors information:

ANUFRIEVA Karina Victorovna – PhD, Assoc. Prof., Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: carina-oops@mail.ru

ZVEREV Mikhail Konstantinovich – PhD student, Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: misha-rowing@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.02.2026.

Дата принятия рукописи в печать: 15.03.2026.